

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия
О чем говорят младенцы
Я никому ничего не должна
Вся la vie
Семейная кухня
Ласточ...ка
Замочная скважина
Не вся la vie
Пьяная стерлядь
Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба
Дневник мамы первоклассника
Падшая женщина
Домик на юге
Осторожно — дети! Инструкция по применению
Собирайся, мы уезжаем
Соня и Александра
Плюс один стул
Счастливая семья
Терпкий вкус тутовника
Истории моей мамы
Наша девочка
Плохая мать
Шушана, Жужуна и другие родственники
Чужой ребенок

МАША
ТРАУБ
Истории моей мамы

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Художественное оформление серии
С. Груздева

Трауб, Маша.

Т65   Истории моей мамы / Маша Трауб. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. —
(Проза Маши Трауб).

ISBN 978-5-699-97442-9

Мама все время рассказывает истории — мимоходом, пока варит кофе. Истории, от которых у меня глаза вылезают на лоб и я забываю про кофе. Истории, которые невозможно придумать, а можно только прожить, будучи одним из главных героев.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97442-9

© Трауб М., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

«**М**амы разные нужны, мамы разные важны». Это стихотворение Михалкова, которое читали по куплету все советские дети на утреннике в детском саду в честь Восьмого марта, я никогда не понимала. Бойко тараторила про маму-вагоновожатого и не понимала — как это бывает? Мама-повар? Да, наверное, кому-то повезло. Кто трусы ребятам шьет? Точно не моя мама. Неужели есть мамы, которые приходят домой вечером, готовят ужин и смотрят телевизор? Или проверяют дневник и спрашивают, как дела в школе? В нашем с мамой случае все было совсем иначе.

Наша жизнь очень отличалась от быта остальных семей. И не только потому, что мы с мамой всегда жили вдвоем, точнее втроем — еще была бабушка, мамина мама. А еще потому, что мама никогда не хотела выйти замуж или найти себе «мужское пле-

Маша Трауб

чо», на которое могла опереться. Ей нужны были только я и бабушка, а мне — она и бабушка.

Мама все время рассказывает истории — мимоходом, пока варит кофе. Истории, от которых у меня глаза вылезают на лоб и я забываю про кофе. Истории, которые невозможно придумать, а можно только прожить, будучи одним из главных героев.

Мама такая, какой я никогда не хотела быть в детстве. И такая, какой хочу быть сейчас.

Она никогда не стремилась к власти, даже в бытовом, карьерном смысле слова. Деньги, да, были нужны, но только чтобы содержать нашу маленькую семью. Ни счета на сберкнижке, ни записочек под подушкой. Мама очень легко относится к деньгам — если есть, то нужно тратить. На удовольствие. На радость. Если не хватает, надо пойти и заработать. Не просить, не брать в долг, не «есть серые макароны», как она любит говорить.

Она всегда носила короткую стрижку, почти «ежик». Не потому, что модно — ее волосы не выдержали стрессов, переездов, смены воды, климатических зон, и я не знаю, чего еще. И еще у нее были седые

Истории моей мамы

корни. Мама поседела очень рано и красилась басмой. Со своим чернильным «ежиком» и алой помадой она не была похожа ни на кого из соседок и знакомых женщин. У мамы всегда была красная помада, в любое время суток.

А у меня всегда были косы. Длинные. До сих пор хожу с длинными волосами и никогда не проводила экспериментов с короткими стрижками.

Помада. Я красила глаза и оставляла бледными губы. И только сейчас позволила себе красную помаду. И вдруг увидела в зеркале маму, в молодости. Копия.

— Ты совсем на меня не похожа, — твердила мне она все мое детство, — и это хорошо.

А я похожа. И красная помада мне идет.

Мама ходила в брюках, джинсах, водолазках, а меня наряжала в платья и юбки. У нее был плащ — как солдатская шинель. Всесезонный. Непромокаемый и непробиваемый. Он только стерся на плече — от веса сумки, в которой она носила документы и картошку. А мне она покупала пальто и кроличьи шубки. Нет, я не была «девочкой-девочкой», как говорят современные мамы про своих

Маша Трауб

дочерей. Я была дочерью Ольги Ивановны, и этому положению приходилось соответствовать.

Я никогда не задавала вопросов, они и не были нужны — мама всегда оставалась блестящей рассказчицей, умело смешивающей реальность с вымыслом.

— Скажи мне правду! — просила я.

— Зачем? Это не так интересно. Вообще неинтересно, — отвечала она.

Иногда мне казалось, что мы с мамой тоже персонажи книги, увлекательного детектива, которые она так любила, а не живые, реальные люди. Наверное, это была защитная реакция ребенка на события, в которых он ничего не понимает. И все люди вокруг мне тоже казались героями. Вымышленными. Не списанными с реальности.

— Ты когда-нибудь расскажешь, что происходило на самом деле? Как ты жила? — спросила я.

— Когда я умру и ты придешь ко мне, не забудь диктофон, — хохотнула мама.

Да, она смеется над смертью. И над собой. Она смеется над собственной судьбой, которую несколько раз обманывала.

Истории моей мамы

* * *

Это старая осетинская традиция. Когда умерла бабушка, мама должна была просидеть с ней ночь — в комнате, где все зеркала завешаны черной тряпкой, а на столе в центре комнаты лежит покойник, и близкие родственники несут вахту прощания: оплакивают, рвут волосы, голосят, причитают, падают без чувств.

— Это ведь так тяжело. Как ты выдержала? — спросила я маму. Она была одна, когда прощалась с бабушкой. И вся боль досталась только ей. Разделить не с кем.

— Да я и не заметила, как ночь пролетела, — ответила мама.

— Как это?

— Я всю ночь с твоей бабушкой ругалась. Высказала ей все, что хотела. Спорила, доказывала, даже кричала на нее. Впервые так хорошо с ней поговорила.

Да, в этом вся моя мама.

Ей поставили страшный, смертельный диагноз. И что она сделала? Взяла меня и уехала отдыхать в Гагры. Кутила, гуляла, ходила по ресторанам. Помогла нашей хозяйке, у которой мы снимали угол, отвоевать у соседей законную территорию двора, сосвата-

Маша Трауб

ла ее дочку за очень хорошего жениха. Она даже не плакала. Она жила, потому что очень хотела жить. Потом оставила меня у этой хозяйки и уехала делать операцию. Знала, что со мной все будет хорошо. Хозяйка — тетя Роза — учила меня варить компот и плакала. А я не понимала, почему она плачет. Ведь все было так хорошо! У меня появились подружки, я каждый день бегала на море. И совсем не скучала по маме. Наоборот, просила тетю Розу оставить меня у нее «на подольше». Хозяйка плакала и гладила меня по голове.

Мне кажется, мама обманула судьбу. Ей опять это удалось.

Через пятнадцать лет она пришла в клинику, где ей делали операцию, и пожилая медсестра позвонила хирургу, который оперировал. Он уже был на пенсии.

— Здесь Ольга, — сказала медсестра доктору, и тот даже не спросил, какая такая Ольга. Ведь пока мама лежала в больнице, она работала — врач получил возможность видиться с сыном от первого брака, которого давно вычеркнул из собственной жизни, но не из сердца. Сердце болело, а когда появилась моя мама — отпустило. Она попросила бывшую жену хирурга прийти в больницу

Истории моей мамы

и проговорила с ней несколько часов. Врач метался под дверью, не зная, что делать — или спасти маму, которая лежала под капельницей, или не вмешиваться, чтобы... чтобы мама сотворила чудо. Женщина вышла из палаты в слезах, обняла бывшего мужа, которого ни видеть, ни слышать не хотела, и уже на следующий день привела в больницу их общего сына.

— Что ты ей сказала? Как тебе это удалось? — Врач плакал.

А маме было так плохо, что она даже говорить не могла.

И вот спустя столько лет медсестра, хирург, его взрослый сын стояли и смотрели на маму.

— Как тебе это удалось? — спросил врач, имея в виду, что его пациентке было отпущено болезнью полгода, максимум год, а она прожила пятнадцать и собиралась еще прожить не меньше.

Мама хмыкнула и попросила разрешения закурить.

— У меня было полно дел, — ответила она.

Медсестра плакала. А парень, сын хирурга, смотрел на всех и не понимал, что происходит.

Маша Трауб

* * *

Наверное, если бы мама варила компоты и шила трусы, я бы выросла другой. Но она была юристом, адвокатессой, занималась разделом имущества, бракоразводными процессами, наследственными спорами.

Она могла поступить в Литературный институт без экзаменов — прошла по творческому конкурсу, по национальной квоте — писала блестяще и легко. Но выбрала себе другую профессию.

— Почему? — спросила я.

— Потому что люди всегда будут разводиться, делить имущество, умирать, не оставив завещания, любить и ненавидеть друг друга. И это всегда будет приносить доход.

У нее было много «работ» — база Роспотребнадзора, Моссовет, арбитраж, строительные управления, потом — собственная юридическая консультация.

— И как ты устраивалась в такие места? Туда же с улицы не брали!

— Связи, взятки, клиентские отношения. И потом — я была очень хороша. Не в смысле внешности. Хотя в этом смысле тоже. Я выигрывала дела. Такие, за которые никто не брался. А я бралась. У меня была своя

Истории моей мамы

ниша — ко мне приходили люди, которым уже везде отказали. И плюс — «сарафанное радио». Меня, как врача, передавали из рук в руки. Я не хвастаюсь. Это было тяжело. Ты же знаешь, все видела. На твоих глазах все происходило...

— Тогда почему ты не стала богатой?

— Потому что язык был длинный. Молчать я не умела. Дверью могла хлопнуть и послать подальше. Не боялась. И дружила, с кем хотела, а не с кем надо.

Да, мама никогда не разделяла работу и личную жизнь, поэтому для меня мамини клиенты были тетями Наташами, дядями Сашами. Людями, которые приходят к нам в дом. В любое время суток. Звонят по ночам. Или будят с утра. Кричат в трубку. Или молчат. Или плачут. И мама закрывает дверь на кухню, открывает форточку, чтобы выветрить табачный дым, и работает. Я засыпала под звук механической пишущей машинки, на которой она отстукивала исковые заявления. И пока мама спала, я меняла ленту в машинке и вставляла чистые листы, прокладывая копиркой.

Мне было три года, и я выговаривала не все буквы. Понять что-то в моем лепете мог

Маша Трауб

только очень заинтересованный, неравнодушный человек. К домашнему телефону всегда подходила я. Поэтому мне пришлось рано научиться общаться. Это была «проверка на вшивость», как выражалась мама. Если взрослый человек адекватно реагировал на голос ребенка, значит, он не был сволочью. Ну, или хотя бы не до конца сволочью.

— А мама дома? — спрашивали меня незнакомые голоса.

Я очень рано научилась врать. Мама стояла рядом и подсказывала мне вопросы.

— Кто ее спрашивает? — вежливо интересовалась я.

Если после этого давали отбой или недовольно требовали, чтобы я немедленно передала трубку взрослому, мама не имела дела с этим человеком. Если же со мной начинали разговаривать, спрашивать, как меня зовут, сколько мне лет и представлялись — мама давала человеку шанс на защиту.

Уже позже у меня появилась любимая игра — я брала телефонную трубку и по голосу пыталась догадаться, кто на том конце провода. Потом, когда эти люди появлялись у нас на пороге, я сравнивала свои фантазии, образ, который нарисовала в своем вообра-

Истории моей мамы

жении, с реальным человеком. Почти никогда не угадывала. Голос очень обманчив. Бывает, что очень красивые голоса принадлежат жестоким людям, а обладатели неприятного тембра оказываются добрыми и искренними. И еще я рано поняла — если совсем плохо, очень тяжело, люди никогда не плачут, отвечают скупой, сдержанной. А если ерунда какая-то, яйца выеденного не стоит, то бьются в истерику. Мама, как правило, имела дело с теми, кто не плакал.

Да, почти все мамины клиенты становились ее друзьями. Она всех впускала в дом. У нее не было частного пространства — так ей было проще работать. Она верила в дружбу. Учитывая циничную профессию, жесткий характер и само время — не самое простое и благополучное, это можно было бы считать идиотизмом или наивностью. Но мама не была ни идиоткой, ни наивной. У нее имелись собственные представления о том, как должно быть. И главное, что я запомнила: если закрыта дверь, всегда открыта форточка. Не бывает такого, что вообще ничего нельзя сделать. Можно не пытаться — так проще.

Еще она говорила, что прежде чем махать топором, его стоит хорошенько нато-